

М. Н. Коннова

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ВРЕМЕНИ

Анализируются особенности метафорической концептуализации времени в англоязычной картине мира. Выявляются базовые темпоральные модели, структурирующие концептосферу времени в древне-, средне- и новоанглийский периоды. Прослеживаются когнитивные сдвиги, приводящие к изменению концептуальной структуры метафорических моделей в новоанглийский период. Делается вывод о том, что смещение ценностного вектора от вневременной «вертикали» вечности к прагматической «горизонтالي» экономических отношений приводит к утрате аксиологических смыслов времени.

The article focuses upon cognitive foundations underlying the metaphoric conceptualization of time in the Anglo-American Weltanschauung. Special emphasis is put on basic image schemata underlying time perception and verbalization in the Old English, Middle English and Modern English periods. Lexicographic and textual data are drawn to exemplify cognitive shifts that bring about gradual transformation of the conceptual structure of time metaphors in the Modern English period. The pragmatic shift in the axiological perspective of metaphoric models results in the loss of the inner value-laden meaning of time.

Ключевые слова: время, метафора, когнитивный сдвиг, аксиология.

Key words: time, metaphor, cognitive shift, axiology.

Время, отражающее изменчивость окружающего мира [12, с. 268], представляет собой один из универсальных первичных смыслов, образующих минимальное ядро любого языка [20, с. 86; 1, с. 23].

Изучение темпорального опыта во многом основывается на исследовании метафорических моделей. Время, концептуализируемое посредством метафор, предстает рационально познаваемой категорией. Сопоставляемое с однопорядковыми сущностями (материей, пространством, движением), оно вписывается в объективную картину мира, объединяя отдельные ее фрагменты в целостный и законченный образ [8, с. 79]. Базовые концептуальные метафоры составляют тот «тезаурус культуры», который очерчивает пространство информационного взаимодействия членов языкового сообщества [9, с. 13]. Метафорические концепты, лежащие в основе описания языковой картины мира, — ключевое средство интерпретации действительности [2, с. 33], что делает их изучение одной из актуальных задач современной когнитивной науки.

Цель настоящей статьи — выявление диахронических сдвигов в метафорической концептуализации времени носителями английского языка.

Великобритания, в которой вплоть до начала XX в. христианская вера воспринималась «как центр духовной жизни, как ее главный, а может быть, и единственный источник» [4, с. 12], в течение многих веков была одной из наиболее религиозных стран Западной Европы. Проникновение христианского вероучения в глубины народного бытия сформировало национальное мировидение, оказало решающее влияние на выбор исторических путей развития английской культуры [14, с. 137], предопределив аксиологические контуры категории времени.

Христианизация Британии в V–VIII вв. приводит к постепенному формированию совершенно нового, ранее не существовавшего в языческой англосаксонской парадигме, образа времени. Время утрачивает «свою божественность, становясь производением Бога для нужд человека» [11, с. 40]. Христианское осмысление времени получает свое концептуальное оформление в форме базовой метафоры TIME IS GOD'S CREATURE, в которой источником аналогии для осмысления времени становится понятийная область 'Творение'.

Примеры этой метафоры, глубоко синкретичные по форме и содержанию, построенные по законам логики древней, не отделяющей «конкретного от абстрактного, образа от идеи, символа от символизируемой реальности» [5, с. 404], встречаются в творениях древнеанглийских учителей Церкви: Беда Достопочтенного, Эльфрика, Алкуина. Так, в переводе Книги Бытия, выполненном Эльфриком, сотворение времени тождественно созданию неба и земли, света и тьмы: “God het þæt leoht dæd & þa þeostra niht” / «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (1000 г. Ælfric Genesis i. 5) [17]. В созданном королем Альфредом переводе «Обращения к Творцу» Аврелия Августина метафора времени-творения лежит в основе описания времен года: “Ðu recst gear and redst þerh gewrixle þara feower tyda, þæt is lencten and summer and herfest and winter / Ты управляешь годом и устанавливаешь порядок четырех времен, что есть весна, лето, осень и зима” (Sol. Aug. 53) (цит. по: [11, с. 125]).

С распространением христианского мировидения в концептуальную картину мира носителей английского языка входит образ однопавленного исторического времени. Время начинает восприниматься как непрерывная, уходящая вперед линия, началом которой служит сотворение мира, смысловым центром – воплощение Единородного Сына Божия, Его жизнь, Крестная смерть и воскресение, а концом – Его Второе пришествие [19, с. 26–32, 77–78].

Отсчет сферы настоящего времени – «дней спасения» (ср.-англ. *the halwende daies* [16]) – начинается от Рождества Христова как ключевой, поворотной точки человеческой истории. Годы новой, христианской, эры номинируются посредством устойчивых конструкций *the yeer of Crist* («год Христов»), *the yeer of grace* («год милости»), *the yeer of our Lord* («лето Господне»), *the yeer of Incarnacioun* («год воплощения»), которые помещают события государственной, общественной и частной жизни в аксиологически маркированный контекст Священной истории, напр.: “In the yere fro the Incarnacion of our lorde anno Mllxij was i-belde the castell of oxonforde / В год от воплощения Господа MLLXXII построена была крепость Оксфорда” (1460 г. Osenev Reg. 5/6) [16].

Земное время не вечно, но устремляется в своем постоянном движении к неизбежному концу — Страшному суду (*the day of doom*) и преображению вселенной во Втором пришествии Единородного Сына Божия. В среднеанглийских переводах Откровения Иоанна Богослова момент завершения времен назван близким (*the tyme is nyg*), ср.: “Blessid he that redith... the wordes of this prophecie... *the tyme is nyg*” / «Блажен читающий... слова пророчества сего...; ибо время близко» (1384 г. Wbible, Арос. 1.3) [16].

За гранью земного, физического, времени открывается вечность, именуемая «днем, который никогда не кончается» (*dæg, þe næfre ne endæþ*), «днем без ночи» (*dei wið-ute nihte, day wiþ oute nyht*), бесконечной жизнью «вне времени» (*wiþ-outen tyme*), напр.: “On þam life is an *dæg, þe næfre ne endæþ*” / «Та жизнь есть день, который никогда не кончается» (1175 г. Vod. Nom. 18/ 25) [16].

В предельно высоком аксиологическом контексте вечности время земного бытия воспринимается как даруемое человеку Творцом и Богом. В текстах среднеанглийского периода концептуальная метафора TIME IS A GIFT OF THE GOD регулярно эксплицируется в утверждениях, в словесной ткани которых темпоральные лексемы выступают в качестве дополнения в группе сказуемого, выраженного глаголом семантики дарения (*to send, to grant, to give, to spare*), напр.: “God be oure gyde, and then schull we spede... *God seend vs a ffayre day!*” / «Господь да будет нашим наставником, и тогда преуспеем... Господь да пошлет нам благополучный день» (1450 г. God be oure 1, 6) [16].

Концептуализация времени как своеобразного «измерения Божественного Промысла» [15, с. 5] находит свое словесное выражение в форме широко распространенных в среднеанглийский период устойчивых конструкций, напр.: *God be ithanked / God have thank / thanked be God* («благодарение Богу»), *blessed be God* («благословен Бог»), *God be with you* («Бог с тобой»), *God helpe* («помоги Бог»), *God defende / God shilde* («защити Бог»), *God give / God graunt* («дай Бог»), *God save* («спаси Бог»), напр.: “No more to you at thys tyme, but *Jhesu have you and yours ever in keryng*” / «Более ничего нет для вас в нынешнее время, но Иисус да сохранит вас и ваших [близких] всегда» (1475 г. Stonor 1.156) [16].

Осмысление бытия в перспективе вневременного Божественного Промысла способствует кристаллизации деятельностного и, шире, телеологического, содержания времени. Время начинает пониматься как драгоценное достояние, как «залог» или «талант», полученный в пользование. Показателен следующий пример начала XIV в. с отчетливо выраженной мыслью о необходимости дать отчет (“*giue acuntis*”) о прожитом из года в год (“*fram yer to yere*”) времени: “...*sulle we giue acuntis of al þat we habbiþ ibe here... of al þi time fram yer to yere*” / «Дадим мы отчет обо всем, что мы совершили... обо всем времени из года в год» (1325 г. Be grace of godde) [16]. В другом примере конца XIV — начала XV в. апеллятивная сила призыва «избрать благую часть» (“*chese þe good part*”) усиливается посредством акцентирования идеи «предела» времени, выраженного обстоятельственным союзом “*while*” («пока»): “*Chese þe good part while þou hast tyme*” / Избери благую часть, пока ты имеешь время” (1400 г. 7 Gift HG 154) [16].

Опасение утратить данное «в распоряжение» время, возрастающее в атемпоральной перспективе иного бытия, способствует выдвиганию в фокус внимания носителей языка идею «напрасной траты» времени. Для ее ословливания используются языковые метафоры с синонимичными глаголами *lösen* («лишаться, терять»), *lēsen* («терять, утрачивать»), *wasten* («тратить напрасно»), напр.: “Noman mai his time lore Recovere / «Никто не может свое потерянное время получить обратно» (1393 г. Gower CA 3.577) [16].

Концепция свободного распоряжения временем не всегда разворачивается в аксиологических рамках добра и зла. Среди возникающих в XIV в. темпоральных метафор присутствует ряд нейтрально маркированных выражений, позволяющих уподобить время вещи или субстанции, которую можно по своему усмотрению «удерживать» (*kepen time*), «искать» и «находить» (*fynden time and space*), «давать» (*give time*) или «выигрывать» (*wynne tyme*), напр.: “Somtyme it is wit To spende a tyme, a tyme for to wynne / «Иногда разумно потратить время, чтобы выиграть время» (1385 г. Chaucer *Troilus and Cresseida* 4.1612) [16].

Постепенный рост «самостоятельности» в обращении со временем проявляется в возникающей во второй половине XIV в. языковой метафоре *driven awei (forth) the time* («проводить время», букв. «прогонять»), эксплицирующей мысль о самовольном «ускорении» движения времени, напр.: “How shal this longe tyme awey be dryoen? / Как провести (букв. «прогнать») это долгое время?” (1385 г. Chaucer *Troilus and Cresseida* 2.983) [16].

В конце среднеанглийского периода время все более абстрагируется от категории бытия. Немалую роль в стимулировании этого когнитивного процесса сыграло широкое распространение в XIV-XV вв. института ростовщичества, сердцевина которого — «взимание платы» за время пользования заемными денежными средствами или товарами. В подобной языковой ситуации кредитору присваивается статус «распорядителя» временем, что на словесном уровне фиксируют конструкции *time settere* («кредитор», букв. «установитель времени»), *time settinge* («продление кредита», букв. «установление времени»). В результате отделения темпоральности от ее бытийной основы время начинает концептуализироваться как своего рода товар. В языке этот когнитивный сдвиг эксплицируется возникающим в начале XV в. выражением *sellen times*, в буквальном прочтении означающим «продажу времен», напр.: “Summe of hem lene to vsure, not for to ben iholde open vsureris, but in manye sotile wysis... bei sellen tymes to her neihboris in lenyng of her good / Некоторые из них дают деньги в рост, но чтобы не считали их откровенными ростовщиками, многими незаметными путями... они продают времена своим ближним, давая в долг свое добро” (1425 г. *Orch. Syon* 291/3) [16].

Новое, «экономически» ориентированное, восприятие времени окончательно закрепляется в англоязычной картине мира в новоанглийский период. Великие географические открытия, развитие мануфактурного производства, становление нового типа экономических отношений, равно как и другие социально-экономические факторы, сопровождавшие переход от эпохи Средневековья к Новому времени, оказывают непосредственное влияние на формирование новой концепции темпоральности. Человек учится ценить время и переживает

его «как нечто такое, что можно потратить, или как то, с помощью чего можно нечто приобрести» [6, с. 92]. Абстрагируясь от категории бытия, время становится «уже не только Божественным, но и личным достоянием» [Там же, с. 93].

Яркое языковое свидетельство нового восприятия времени — произведение У. Шекспира, в которых метафоры «монетарной» семантики отличаются устойчивостью и значительным разнообразием языкового оформления. Темпоральные конструкции регулярно включают в себя сочетания с лексемами «товарно-денежной» сферы, напр.: *to purchase time* («приобрести время»), *to buy two hours' life* («купить два часа жизни»), *to sell an hour* («продать час»), *to borrow a week* («взять займы неделю»), *to prize one's hours* («оценивать свои часы»); “Hard fate! He might have died in war. / My lords, if not for any parts in him — / Though his right arm might purchase his own time (букв.: Хотя его правая рука могла бы купить его собственное время), / And be in debt to none — yet, more to move you, / Take my deserts to his, and join 'em both (1608 г. “The Life of Timon of Athens”; Act III, Sc. V)¹ [18].

Денежные отношения могут становиться основой для создания персонализированного образа времени, как, например, в следующем фрагменте «Комедии ошибок», где время метафорически именуется «банкротом»: “Time is a very bankrupt, and owes more than he's worth to season. / Nay, he's a thief too: have you not heard men say / That Time comes stealing on by night and day? / If 'a be in debt and theft, and a sergeant in the way, / Hath he not reason to turn back an hour in a day? (1593 г. “The Comedy of Errors”; Act IV, Sc. II)² [18].

«Монетарный» образ времени может приобретать и предельно высокое ценностное переосмысление. Ср. контекст функционирования метафоры *to sell hours* (букв. «продавать часы») в Сонете 146, где лирический герой, обращаясь к своей душе, призывает ее посредством скоротечных часов земной жизни приобретать божественную вечность: “Buy terms divine in selling hours of dross (букв.: Покупай божественные сроки, продавая ничтожные часы); / Within be fed, without be rich no more, / So shall thou feed on death, that feeds on men, / And death once dead, there's no more dying then”³ [18].

В XVII—XX вв. языковые реализации «экономического» образа времени становятся все более разнообразными, детально отображая все-

¹ При переводе метафора «продажи», непривычная для русскоязычного читателя, опускается: «Жестокий рок! / Он мог бы умереть на поле боя... / Почтенные сенаторы, ну что же, / Коль дела нет вам до его заслуг — / Хоть оправдать себя легко он мог бы / Одной рукою правой и не быть / Ни у кого в долгу, — то, для того / Чтоб ваше сердце тронуть, я прошу / К его заслугам и мои прибавить, / Соединив их вместе» (пер. Ю. Корнеева) [10].

² «Оно [время] банкрот: не может долга мгновению отдать. / Оно и вор к тому же: случилось вам слышать, / Как говорят, что время подкралось, словно тать? / Если так и если пристав попадется на пути, / Как же тут не постараться хоть на час назад уйти?» (пер. А. Некора) [10].

³ В переводе С. Маршака метафора «покупки» и «продажи» нейтрализуется: «Расти, душа, и насыщайся вволю, / Копи свой клад за счет бегущих дней / И, лучшую приобретаю долю, / Живи богаче, внешне победней. / Над смертью властвуй в жизни быстротечной, / И смерть умрет, а ты пребудешь вечно» [10].

возможные способы «обращения» со временем как собственностью человека (подробнее см.: [3]). К началу XX в. концепт ВРЕМЕНИ-ТОВАРА столь глубоко проникает в англо-американскую концептосферу времени, что ряд «монетарных» метафор утрачивают свой образный потенциал, пополняя число прямозначных выражений, напр.: “The radio public will be swamped with addresses for every available hour from the stations willing to *sell time* to the candidates and their supporters” (1932 г. Chicago Tribune, Apr.) [13].

Проведенное исследование свидетельствует о системообразующей роли концептуальных метафор *времени-дара* и *времени-творения* в формировании аксиологии времени в картине мира носителей английского языка. С развитием товарно-денежных отношений в концептосфере времени намечаются когнитивные сдвиги, приводящие к возникновению новой, «монетарной» модели темпоральности. Время начинает восприниматься как личная собственность человека, как важный экономический, политический или социальный ресурс. Смещение ценностного вектора от вневременной «вертикали» вечности к доминированию прагматического отношения ко времени приводит к тому, что высокие аксиологические смыслы темпоральности ускользают.

Список литературы

1. Бондарева Л.М. К проблеме интерпретации концепта «пространство» в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 2. С. 23–30.
2. Григорьева Т.В. Метафорическая оппозиция *верх-низ* как способ языковой интерпретации действительности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2 : Языкознание. 2014. №2 (21). С. 33–38.
3. Заботкина В.И., Кошнова М.Н. Изменения в концептосфере времени: когно-лингвокультурологический подход // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка : монография. М., 2012. С. 270–304.
4. Ильин И.А. Основы христианской культуры. Путь духовного обновления. СПб., 2004.
5. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004.
6. Найденова Л.П. Мир русского человека XVI–XVII вв. М., 2003.
7. Нильсен Е.А. Лингвокогнитивные модели эволюции темпоральных номинаций (на материале английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015.
8. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 78–95.
9. Свирепо О.А. Метафора как код культуры : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2001.
10. Шекспир У. Собрание сочинений // Lib.ru: Вильям Шекспир : [сайт]. URL: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/> (дата обращения: 28.11.2015).
11. Чупрына О.Г. Представления о времени в древнем языке и сознании. М., 2000.
12. Bentham J. van. Semantics of Time // Time, mind, and behaviour. Berlin ; Heidelberg ; N.Y. ; Tokyo, 1985. P. 266–278.
13. Corpus of Historical American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coha/> (дата обращения: 26.11. 2015).
14. Ensor R. C. K. England 1870–1914. Oxford, 1936.

15. *Kastan D. S. Shakespeare and the shapes of time.* Hanover ; New Hampshire, 1982.
16. *Middle English Dictionary.* URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/> (дата обращения: 03.11.2015).
17. *Oxford English Dictionary.* URL: <http://www.oed.com/> (дата обращения: 03.04.2009).
18. *Shakespeare W. The Complete Works of William Shakespeare // Project Gutenberg.* URL: www.gutenberg.org (дата обращения: 12.11.2009).
19. *Wendorff R. Zeit und Kultur.* Opladen, 1985.
20. *Wierzbicka A. The semantics of metaphor and parable. Looking for meaning in the Gospels // Theoria et Historia Scientiarum.* 2002. Vol. 6, №1. P. 85 – 106.

Об авторе

Мария Николаевна Коннова — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: maria.konnova@rambler.ru

About the author

Dr Maria Konnova, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: maria.konnova@rambler.ru

УДК 81'42;807.1

Т. Ю. Собко

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Социальная реклама привлекает внимание к проблемам общества, побуждает к их решению, что предполагает оказание речевого воздействия на реципиента. Один из способов речевого воздействия – побуждение, которое мы рассматриваем как модальность. Средства его выражения образуют функционально-семантическое поле. Исследуются периферийные конститuentы данного поля, функционирующие в текстах социальной рекламы на русском и немецком языках.

Public service announcements attract attention to social problems and encourage the general public to solve them, which requires influencing the recipient using speech methods. The means to exert such influence create a functional and semantic field. The authors focus on the periphery constituents of this field, which function in public service announcements in the Russian and German languages.

Ключевые слова: социальная реклама, дискурс, речевое воздействие, побуждение, побудительная модальность.

Key words: public service announcement, discourse, speech influence, incentive, incentive modality.